

Благодарности

Главным обстоятельством, вдохновившим меня написать эту книгу, оказалось мое профессиональное любопытство историка по отношению к нонконформистам и аутсайдерам общества, к тем, кто оказывается лишен официального статуса и остается для будущих поколений во тьме забвения и не востребованости. Меня интригует их жизненный надрыв и крайняя решимость, с которой они отрицали общепринятые нормы, несмотря на вызываемые этим бедность, а порой и опасность. Я начинала посвященное анархисту Исикаве Сансиро исследование с предчувствием того, что жизни «менее видимых» людей как-то могут быть связаны с более широкими экзистенциальными темами, включая сюда серьезные вопросы о смысле и причинах человеческого существования на Земле. Я оказалась права, и все это сделало мой путь к завершению исследования весьма и весьма тяжким. И все же я рада, что я начала его.

Я благодарна многим людям и институциям за то, что они помогли появиться этой книге на свет.

Мой первый интерес к японским анархистам возник благодаря Сё Кониси, когда под его руководством я работала над своей магистерской диссертацией в Оксфордском университете. Все это время Сё помогал мне и понимал меня, относясь в то же время к моей работе весьма взыскательно.

На протяжении почти десятилетия, которое понадобилось для написания этой монографии, мне по доброй воле уделили время некоторые замечательные ученые. В Японии Умэмори Наюки делился со мной познаниями в областях политической и интеллектуальной истории, пригласив меня при этом для обсуждения

многих связанных друг с другом тем на проводимый им аспирантский семинар в университете Васэда. Стажировка, щедро профинансированная Японским обществом по изучению науки, также оказалась крайне способствующей выявлению контекста исследования.

Я также в долгу перед Саваи Кэйити, который на протяжении многих лет терпеливо отвечал на мои многочисленные вопросы о японской религии и философии. Как часто случается в процессе таких интеллектуальных обменов, мы переписывались на двух языках, однако общность целей и интересов всегда превосходила языковые различия.

Цудзуки Тюсити помог мне с прочтением рукописных текстов и поиском источников в Токио. Он также весьма любезно поделился со мной частью своей драгоценной коллекции книг и репринтных изданий газет. Ямагути Акира сообщил мне множество неочевидных сведений о жизни и философии Исикавы Сансиро, и даже сопровождал меня в поездке к месту рождения Исикавы. Наши беседы в «Джаз-кафе Коста-Рика» в районе Хондзё и прогулки по рисовым полям Сайтамы доставили мне истинное наслаждение.

Мне также повезло обсудить свою работу с Имахаси Эйко из Токийского университета, с которой я познакомилась много лет назад, будучи в этом университете аспиранткой. Она не просто постоянно оказывала мне поддержку, но и стала моей незаменимой подругой. Като Хирофуми и Тангику Ицудзи из Центра исследований айнов и коренных народов Университета Хоккайдо предложили мне неоценимую помощь во время исследования анархистской поэзии. Идеи Сарасины Ко, Ричарда Сиддла и Джеффри Геймана оказались очень ценными для меня в Хоккайдо, а студия Тэндзинъяма в Саппоро оказала мне гостеприимство во время одного из моих полевых исследований. Я также в долгу перед Ито Сигэюки за то, что тот обратил мое внимание на некоторые интересные литературные взаимодействия Хоккайдо.

Я крайне благодарна Шелдону Гэрону за беседы и дружбу. Я также признательна Рут Харрис, Кристин Леви, Иену Нири, Филиппу Пеллетье, Лили Чанг, Сьюзан Таунсенд, Брайану Павел-

лу и Энн Уосво за интерес к моему проекту на разных стадиях его продвижения. Кроме того, я также выражаю глубокую благодарность Полу Росситеру и Маяко Мураи за их помощь при переводе японской поэзии. Встречи с Анной Шерман в библиотеке всегда мотивировали меня.

Мои коллеги по университету Ист-Англии все это время были очень приветливы и воодушевляли меня. Я также очень обязана Кэти Кармайкл, которая безусловно подбадривала меня на протяжении нескольких лет. Источником вдохновения послужила и исследовательская среда в Центре японских исследований.

Благодаря любезности Одиль Деманж я смогла посетить ее очаровательный дом на Юго-Западе Франции, где Исикава провел несколько лет своей ссылки. Я получила также неожиданное письмо от Сары Мур, которая обнаружила открытку от Исикавы, отправленную ее прабабушке, писательнице Эдит Мур.

Неоценимой для завершения этого проекта оказалась помощь ряда институций и их сотрудников. «Англо-японский фонд Дайва» и «Международный фонд Тосиба» предложили мне щедрые гранты на поездки. Я особенно благодарна также Институту японских исследований «Ниссан» в Оксфорде и его чудесному администратору Джейн Бейкер; персоналу Бодлеанской Японской библиотеки; Международному центру исследований анархизма в Лозанне (CIRA), Муниципальной библиотеке Тэсикага, Муниципальной библиотеке Хондзё и Музею литературы Хоккайдо.

Фрагменты этого исследования основаны на уже опубликованных статьях и главах из книг. В основу главы 2 легла статья, которая появилась в сентябрьском выпуске 61 «*Historical Journal*» за 2018 год; фрагменты главы 6 взяты из моей статьи в книге «*The Practice of Freedom: Anarchism, Geography, and the Spirit of Revolt*» под редакцией Ричарда Уайта, Саймона Спрингера и Марчело Лопез де Суза, которая вышла в издательстве «Rowman & Littlefield» в 2017 году; некоторые стихи Сарасины Гэндзо появились в книге «*Kotan Chronicles: Selections, 1928–1943*», выпущенной «Isobar Press» в 2017 году. Я благодарна издателям за их любезное разрешение привести фрагменты этих работ в настоящей монографии.

Дельные комментарии двух анонимных рецензентов «Leiden University Press» помогли мне сделать мою работу лучше. Крайне полезным оказалось и внимательное чтение рукописи на последних этапах работы над ней Робертом Флетчером и Тоёсовой Нобуко. Благодаря Анник Мейндерс и Роми Уайен из LUP и Найре Виксрамасингхе, редактору серии «Critical, Connected Histories», издательский процесс прошел безболезненно. Я благодарна каждому из них, при этом все ошибки остаются на моей совести.

Длительный процесс исследования и написания книги стал куда более радостным благодаря дружелюбию моих коллег-магистрантов из Оксфорда. Особые благодарности Йэну Репли за хорошее настроение и готовность помочь, Анне Шраде, Ю Сакай, Эйко Хонде, Эйко Соге и другим за незабываемое общение. Все это время меня также поддерживали доброта и ум Элис Фриман, чей опыт составления предметно-именного указателя и библиографии оказался просто незаменимым.

Наконец, я бесконечно обязана многим друзьям, как близким, так и дальним, которые поддерживали меня и время от времени давали возможность передохнуть, пока я пыталась справиться с требованиями одновременного проведения исследований, написания книги и материнства в чужой стране. Карен, Софи, Меринда, Джудит, Рут, Эмили, Паулин, Флоренс, Мишель, Поль и Луиза, Деннис, Сьюзан и Сюн, вы поддерживали мне на протяжении всех этих лет.

Я посвящаю книгу Питеру, который читал ее страницы куда чаще, чем он мог себе представить, и нашим детям.

Примечание о транслитерации

В японских и китайских именах фамилия обычно указывается первой, кроме тех случаев, когда публикации японского или китайского автора главным образом появляются на английском языке. Если автор известен или известна под псевдонимом, я следую общепринятому именованию.

Введение

1 марта 1913 года худощавый, интеллигентного вида японец 30 с чем-то лет от роду взошел в Йокогаме на французский корабль. Он не смог получить от властей выездные документы. Поэтому вместо них у него имелась записка с печатью и подписью отзывчивого бельгийского вице-консула Фернана Гобера, фиктивно утверждавшая, что путешественник — его личный переводчик и преподаватель иностранного языка¹. Живущий в Токио китайский революционер помог путешественнику оплатить поездку. Один близкий друг поделился с ним часами, другой — костюмом. Все это предприятие выглядело напряженной и отчаянной авантюрой.

Путешественника звали Исикава Сансиро (1876–1956). Будучи журналистом и самопровозглашенным социалистом, он находился под постоянным наблюдением японской полиции. Он также яростно выступал против Русско-японской войны 1904–1905 годов. Цензоры только что запретили распространение его работы «Сэйё сякай ундоси» («История общественных течений Запада»). Два года назад, после жестокой расправы над участниками «Дела об оскорблении трона», когда несколько близких друзей Исикавы были приговорены к смерти и казнены, он начал испытывать страх за свою жизнь. Добровольное изгнание представлялось ему единственным выходом, поэтому он попросился с японскими берегами. После остановки в Шанхае, где Исикава навестил других китайских революционеров, он медленно направился во Францию, и после 38 дней путешествия по морю нако-

¹ Письмо Гобера Исикаве от 11 января 1913 года // Foreign Correspondence, п. 17. Исикава Сансиро канкэй сирё, Библиотека города Хондзё.

нец-то прибыл в Марсель. Денег у него было мало, по-французски он не говорил, никого не знал и, имея на то все основания, гадал, удастся ли ему выжить вообще [Исикава 1977, 8: 299–306].

Так начались семь с половиной лет добровольного изгнания, во время которого Исикава вполне мог считаться единственным японским подданным подобного статуса в Европе того времени. Оказавшись за рубежом, он общался с анархистскими активистами Великобритании, Бельгии и Франции. Исикава познакомился с английским общественным философом Эдвардом Карпентером (1844–1929), но большей частью жил в семье Поля Реклю (1858–1941), племянника известного французского анархиста и географа Элизе Реклю (1830–1905). Все эти годы он вел дневник, «Хорохатинэнки» («Восемь лет дрейфа»), а 30 лет спустя написал мемуары об этом периоде жизни под названием «Ро/Нами» («Дрейф»)². Несколько раз «скитальцу» — как себя называл Исикава — чудом удалось избежать смерти. Но он ухитрился выжить, несмотря на обстоятельства, среди которых было и основательное знакомство в Брюсселе с началом Первой мировой войны.

По возвращении в Японию в ноябре 1920 года Исикава возобновил свою деятельность в японском движении анархистов, поддерживая в то же время связь с разветвленной транснациональной сетью интеллектуалов и активистов. Он немедленно изложил теоретические основания собственной вдохновленной пребыванием в Европе общественно-политической модели кооперативного и ненасильственного образа жизни, получившего название *домин сэйкацу* (土民生活), буквально «жизнь людей земли». К этому прибавились и практические эксперименты в области индивидуальной самодостаточной жизни и общественно-политического устройства путем создания сети самоуправляемых крестьянских советов *Номин дзитикай* (農民自治会). Тогда же Исикава начал работать над переводами с французского и популяризацией географических трудов Элизе Реклю. Он также занимался историческими исследованиями, все больше

² [Исикава 1922], переиздание [Исикава 1929]; [Исикава 1963]. Здесь понятие «дрейфа» отражает мировоззрение Исикавы лучше, чем «скитания».

и больше концентрируясь на Азии. Во время войны Исикава жил на скромные доходы и до самой своей смерти в 1956 году оставался яростным сторонником анархистского общественно-политического устройства, которое он противопоставлял иерархическому общественному контролю.

Отрывочные упоминания Исикавы в англоязычной историографии характеризуют его как «социалиста», который позже стал «анархистом». Однако конвенциональное понимание этих понятий с трудом охватывает всю широту его знаний и интеллектуального любопытства. Будучи знакомым с широким кругом западных работ, от прогрессивных английских политических трактатов до образцов французского художественного авангарда и древних греческих философов, Исикава также хорошо разбирался в китайской классике и в японской литературной традиции. Из-под его пера вышли тысячи страниц книг, эссе, переводов, статей, переписки и дневников, в которых он бросал вызов идеологическому и геополитическому курсу собственной страны.

С первого взгляда Исикаву легко принять за радикального интеллектуала, вдохновлявшегося мыслью и пытавшегося применить ее в местном контексте. С этой точки зрения его анархизм предстает всего лишь набором заимствованных европейских идей, используемых для критики японской современности. Цель этой книги (далее — «Географическое представление») — создать иную картину. Анализ транснациональных связей начала XX века показывает, что как Исикава, так и западные интеллектуалы оказались вовлечены в процесс материализации специфического мировоззрения, определявшегося общими представлениями о целях и средствах революционной трансформации, рассматриваемой не просто как приверженность определенному и ограниченному корпусу идеологических текстов, а как постоянный и длительный процесс. Этот процесс, который лучше всего воплотился в понятии и воплощении *домин сэйкацу* Исикавы, принял две формы. Во-первых, приоритетное внимание в нем уделялось человеческой субъектности в повседневной жизни как рычагу общественных изменений. Во-вторых, важное значение при этом имели отношения человека с природой, в которых симбиоз и взаимосвязь ставились выше иерархии и борьбы.

Обе темы — трансформационный потенциал повседневных практик и этика сотрудничества — сформировали суть диалога, развивавшегося между радикальными мыслителями Востока и Запада на протяжении десятилетий. Важную роль в развитии этого диалога сыграл Исикава, решительно настроенный на поиск интеллектуальных сюжетов, общих для европейской и его собственной восточноазиатской традиций и способных быть идеологическим основанием анархизма, сторонником которого он был.

Трансформация географического мышления

География модерна сыграла ключевую роль в развитии коллективного мировоззрения, ставшего в начале XX века отличительным признаком транснациональных анархистских связей. В этой книге подчеркивается роль географического знания как механизма распространения революционных идей и основной структуры для развития концепций освобождения от власти государства. В географии Запада и Японии период с конца XIX по начало XX века оказался отмечен возникновением конфликтующих течений. Первое, наиболее влиятельное, достигло своего расцвета в процессе развития капитализма и империалистической экспансии. В нем география представала в значительной степени как орудие власти, предназначенное для управления ресурсами. Она служила установлению контроля над границами и обеспечению государственного и колониального управления, а также играла сопутствующую роль в формировании национальной идентичности. На Западе с этим направлением географии часто связывают имя британского ученого Хэлфорда Маккиндера (1861–1947), идеи которого по большей части были направлены на укрепление созданного порядка³. Приверженцы другого, противоположного направления рассматривали географию как инструмент выражения несогласия, выдвигая такое миропони-

³ Вклад Хэлфорда Маккиндера в развитие географии не следует сводить только к его империалистическим взглядам, даже если их трудно отделить от его понимания современной геополитики. См. [Livingstone 1992: 194–195].

мание, в котором роль главного определяющего изменения фактора принадлежала не конкуренции, а сотрудничеству. Представителем этого направления является русский ученый и анархист П. А. Кропоткин (1842–1921).

В Японии схожий спектр географических идей возник после реставрации Мэйдзи в 1868 году. Одна из целей данной работы — описать процесс постепенного расхождения между географией, в первую очередь направленной на успешное внедрение модернизационной программы Мэйдзи, и так называемой «низовой» географией. Последняя, бытовавшая преимущественно во вне-академической среде, сформировалась в начале 1900-х годов за некоторое время до возникновения географии как отдельной университетской дисциплины. «Низовые» географы, часто находившиеся под влиянием западной науки, были в то же время хорошо знакомы с местными особенностями и традициями, что оказывалось питательной средой для размышлений над ролью географии в обществе модернизации. Небольшая горстка этих интеллектуалов, занимавшихся исследованием потенциала географии как инструмента критики и трансформации общества, развивала свои идеи отчасти в ответ на всевозможные угрозы, которые, как казалось, нависали над Японией. Этот процесс также способствовал зарождению альтернативной географии и стал альтернативой крайне утилитарному и механистическому пониманию научного знания.

Интеллектуальный вклад Исикавы Сансиро стоит рассматривать в этом контексте. Он черпал вдохновение как на Западе, так и в Японии и также рассматривал географию как средство критики стремительного модернизационного процесса, проходящего в Японии. Особенно критически он относился к избыточной, по его мнению, важности, приписываемой детерминистским моделям развития, которые, как он считал, обесценивали человеческий фактор. Его отрицание детерминизма затрагивало и социал-дарвинизм, идеология которого доминировала в капиталистическом развитии Японии с начала эпохи Мэйдзи (1868–1912), и марксистский исторический материализм, ставший особенно привлекательным для японцев левых взглядов после Октябрьской революции 1917 года.

Знакомство с идеями географа Элизе Реклю, состоявшееся во время пребывания Исикавы в Европе между 1913 и 1920 годами, сыграло ключевую роль в его интеллектуальном развитии и еще сильнее упрочило его приверженность анархистской модели общественно-политической организации. Несмотря на многолетнее отсутствие должного внимания к вкладу Реклю в географию, этот вклад недавно был оценен заново. Сейчас ученые признают за французским анархистом первенство в области гуманитарной географии и подчеркивают влияние его идей на дисциплину в целом⁴. Оригинальные идеи Реклю возникли в контексте ускорившегося с середины XIX века научного прогресса. Новый научный подход к географии уделял основное внимание тому, как физические условия определяют человеческую деятельность и развитие человечества. Вместе со своими современниками, например американцем Джорджем Перкинсом Маршем (1801–1882), Реклю озаботился ответным процессом влияния человеческой деятельности на окружающую среду. Он был уверен в необходимости изучения этого динамического двустороннего взаимодействия в исторической перспективе [Olwig 1980: 29–45]. Исследуя историю развития человечества, Реклю делал акцент на постоянном изменении человеком окружающей среды, которая, в свою очередь, влияла на человека, и так далее [Pelletier 2013: 109]. Именно по причине рассмотрения окружающей среды в категориях отношений и взаимодействий Реклю в значительной степени удалось избежать характерного для того времени редуکتивного географического детерминизма.

Во время своего пребывания в Европе Исикава познакомился с географическими идеями Реклю. Ключевым источником вдохновения японского мыслителя стал шеститомный труд французского ученого «Человек и земля», опубликованный после его смерти в 1905–1908 годах. В этой, по общему мнению, итоговой работе Реклю подробно излагается так называемая «общественная география», то есть география, которая учитывает во взаимодействии между человеком и природой социальное измерение.

⁴ См., например, [Harvey 2009: 187, 283].

В настоящее время работы Реклю вновь привлекли к себе внимание исследователей в силу их очевидной созвучности актуальным проблемам экологии. Французский географ настаивал на существовании взаимной зависимости человечества и природы и даже на наличии у первого обязанности по отношению к последней и предупреждал о последствиях высокомерия людей, которые слишком легко ставят себя выше всего [Реклю 1906–1909, 1: 1–14]. С его точки зрения, человек — не царь природы, а ее неотъемлемая часть, а история человечества и Земли предстает общей и неразделимой.

Неизбежным следствием идей Реклю, а также характерной чертой его анархистского подхода стало представление об этической роли географии, которой предстоит не просто существовать в качестве изучающей Землю науки, но и предлагать способы справедливого разделения ресурсов планеты с учетом интересов всех ее жителей [Dunbar 1978a: 19]. Такой взгляд на географию как на средство глобального изменения и улучшения условий человеческого существования, подчеркивающий ее «революционную» способность вмешиваться в отношения власти, никак не сочетался с конвенциональной географией и господствующими в то время идеологиями «порабощения природы» и расового превосходства. География Реклю предстала в качестве политически ангажированной науки, работающей во имя равенства людей.

Важно отметить, что Реклю предложил реабилитацию человеческого фактора в отношениях с Землей в то время, когда роль этого фактора в магистральной географии, наоборот, принижалась. В этом отношении идеи Реклю соответствовали чаяниям японских географов, работавших за пределами академической среды, которые несколько десятилетий спустя пытались осознать головокружительную модернизацию собственной страны. Действительно, общественный подход Реклю контрастировал с предпочтением, которое японские власти в эпоху Мэйдзи после реставрации 1868 года отдавали физической географии, с ее акцентом на описание измеримого и стандартизированного пространства для развития современной нации [Takeuchi 2000: 87]. Настоящая

работа представляет собой краткий очерк того, как путем взаимодействия с гуманитарной географией Исикава смог бросить вызов модернистскому переупорядочиванию мира в картографируемое и управляемое пространство, предлагая взамен его переустройство как локуса общественной трансформации.

Интерес к гуманитарной географии в Японии возник также в ответ на рукотворный экологический ущерб, который принесла за собой индустриализация страны. Загрязнение окружающей среды, вызванное работами на медном руднике в Асио в конце 1800-х — начале 1900-х годов, оказало опустошительный эффект на крестьянские сообщества к северу от Токио, а также отразилось в коллективном сознании. Вскоре само название Асио⁵ стало символом опасной стороны модернизации и подняло вопросы о границах человеческой деятельности в ее отношениях с природой. По мере того как гуманитарная география становилась одним из способов рассмотрения проблемы нанесения вреда природе, формировалось направление мысли, в котором географические знания увязывались с сохранением окружающей среды. Тексты и деятельность Исикавы сыграли роль в укреплении этой связи.

Другими словами, сопутствовавшие модернизации экологические проблемы и катастрофы служили для Исикавы и его единомышленников постоянным напоминанием об изменении отношений между человечеством и окружающей средой и тем самым привели их к размышлениям о гуманитарной географии.

Трансформационный потенциал повседневной жизни

Как следствие, радикальные мыслители вроде Исикавы озаботились процессом так называемой «регуманизации» науки, тенденцией, которая отражала скрытые интеллектуальные течения позднемэйдзийской Японии. Именно это и является главной темой данной книги. К особенностям мироощущения этих ради-

⁵ Недавний подробный обзор экологического загрязнения на руднике Асио см. в [Stolz 2014a].

калов можно отнести подчеркивание нераздельности революционной мысли и жизненного опыта. Они рассматривали понятие общественной трансформации как неотъемлемое от практик жизни — то есть от созидания уз солидарности во всех сферах человеческого опыта — и, таким образом, не имеющее ценности само по себе.

В своей работе Кристин Росс детально исследовала связь между воззрениями мятежников и практиками Парижской коммуны 1871 года, в деятельности которой принимал участие Элизе Реклю. По ее наблюдению, коммуна представляла собой «равенство в действии» [Ross 2015: 39]: революция как проживаемый опыт помогала выработать собственную понятийную систему, которая, в свою очередь, способствовала дальнейшему движению процесса мятежа. Однако важно подчеркнуть, что такая революционная динамика становилась возможной только благодаря убежденности коммунаров в трансформативном потенциале повседневного действия. Как показывает «Географическое представление», анархизм Исикавы также коренился в подобном убеждении.

Росс ссылается на работы Анри Лефевра, чья основополагающая теория пространства формулирует то, что поставлено на карту, с концептуальной точки зрения. В отличие от представления о пространстве как заданной области, в которой ведется человеческая деятельность, — своего рода географического ландшафта, на фоне которого происходит история, — французский социолог и философ представлял это пространство в качестве социального конструкта. С точки зрения Лефевра напряжение между тем, что он называл задуманным и проживаемым — *conçu* и *vécu*, — означало, что пространство всегда представляет собой продукт присвоения и борьбы. И хотя для него это напряжение чаще всего имело результатом живучесть капиталистических отношений доминирования, Лефевр также предполагал, что оно расчищало путь для революционной деятельности. Таким образом, интерес японских радикалов вроде Исикавы к географии — в частности, к гуманитарной географии — можно объяснить тем, что пространственное измерение в ней рассматривалось

в форме конкретных действий повседневной жизни и их потенциала применительно к общественным изменениям. Анархизм склоняется в пользу индивидуальных действий, а не организационных структур, и предпочтение отдается гибким объединениям, а не институциям с их укоренившимся контролем человеческих отношений. Вот почему личная инициатива Исикавы как анархиста заключалась в проведении экспериментов в области самодостаточной жизни и создания гибкой сети советов крестьянского самоуправления.

Для тех, кто воплощал в жизнь подобные революционные практики, они подразумевали, прежде всего, создание сетей солидарности. Установление транснациональных связей между активистами из Восточной Азии и Запада способствовало общественной трансформации, одновременно подпитывая общую идеологию, которой они придерживались. Отслеживание путешествий и встреч Исикавы показывает, как в начале XX века эта идеология распространилась и на Восточную Азию. В связях, устанавливаемых в ходе такого распространения, формальная организационная принадлежность и институциональная аффилиация отвергались в пользу неформальных, иногда тайных, отношений. Как говорил Бенедикт Андерсон, наличие подобных связей способствовало глобальному развитию анархизма в конце XIX века [Anderson 2005]. Вслед за Андерсоном, «Географическое представление» подчеркивает значимость внеинституциональных связей в распространении анархистской мысли и практик в первых десятилетиях XX века.

Исследование неформальных способов коммуникации и рефлексии деятелей-радикалов вынуждает нас также пересмотреть анархистские притязания того времени. Частная переписка и дневники, кустарно изданные книги и брошюры, переводы и другие «книги-путешественницы», поэзия, дневниковые зарисовки и литературная критика: текстуальные жанры, часто находившиеся вне конвенциональных или институциональных сетей публикации и распространения, тем не менее оказывались выразителями конкретного мировоззрения. Все вместе, они, подобно мозаике, складываются в картину антииерархического моду-

са социального взаимодействия, находящегося в процессе непрерывного становления. Несмотря на то что в истории анархизма предпочтение часто отдается нарративу лиц и событий, напрямую связанных с насилием и террором, такие источники также помогают обнаружить, что тенденции развития анархизма в начале XX века оказались шире узкополитических целей, обычно ассоциируемых с движением. Если география обеспечила радикальных активистов теоретической базой познания, то весь массив почерпнутых из западных и восточных источников научных и религиозных идей дал анархизму возможность стать полиморфным культурным феноменом, который следует изучать с нескольких точек зрения.

Прежде всего, «Географическое представление» — это исследование через призму личности Исикавы Сансиро определенного набора идей и их отношения к развитию капитализма и индустриализации в первых десятилетиях XX века. В центре анализа оказываются противоречия модернизации, вследствие чего в биографическом аспекте оно не заходит дальше периода войны на Тихом океане. Особенное внимание в книге уделяется фактам встреч с людьми и путешествий как способу интерпретации интеллектуального ландшафта времени. Если в центре исследования находится Исикава, то обязательными дополнениями к повествованию оказываются его контакты, друзья и знакомые, с которыми он пересекался и переписывался на протяжении многих лет. Предпосылкой этому служит тот факт, что ни один корпус идей не существует в вакууме, и что любое понимание истории, которое не принимает во внимание «воплощение» этих идей и их актуализацию различными людьми, неполноценно. В этом смысле «Географическое представление» также представляет собой труд, который подчеркивает роль сообществ в интеллектуальном обмене. Поэтому порой важно уточнять мысли и жизненный опыт тех, кто был каким-то образом связан с Исикавой.

Необходимо также обозначить, чем эта книга не является — какие аспекты и перспективы в ней не рассматриваются и почему. Несмотря на то что в качестве предмета обсуждения была заяв-

лена география, в книге очень мало сведений о развитии картографии, которая, возможно, представляет собой одно из главных течений дисциплины и является самым важным предметом в изучении гуманитарной географии. Причиной этого является то, что в своей аргументации Исикава прибегал к картографии крайне редко и никогда не выставлял ее в своих интеллектуальных изысканиях на первый план⁶. В качестве второй причины можно указать только на изобилие уже существующей литературы, охватывающей историю японской картографии с такой степенью точности и интеллектуальной проработки, которую «Географическому представлению» не превзойти⁷. Эти работы по картографии дополняют предмет рассмотрения настоящей книги, поскольку в них рассматривается роль географических знаний в поддержке или критике модернизационных устремлений Японии.

Развитие географии модерна в Японии предлагает исследовательский ракурс для рассмотрения конфликтующих понятий прогресса. Возникшее в годы Мэйдзи ощущение насущной необходимости трансформации страны в полноценное национальное капиталистическое государство привело к преобладанию принятия западных географических методов и предпочтению физической географии общественной. В первой главе «Географического представления» рассматривается реакция на этот тренд «низовых» географов — ученых-любителей, работавших вне институциональных пределов. Рефлексия этих «низовых ученых» по поводу отношений между человеком и природой, а также ролью географической мысли в общественной трансформации стала фоном для усиления активности анархистов начиная с конца эпохи Мэйдзи. Думается, они пытались «регуманизировать» науку, другими словами, переместить в центр ее внимания про-

⁶ Все это контрастирует с позицией Элизе Реклю, который размышлял над врожденной предвзятостью картографии и рассматривал альтернативные способы репрезентации мира. См. [Dunbar 1978a: 56–67; Ferretti 2014: 85–95].

⁷ См., например, [Walker 2007: 283–313; Wigen et al.: 2016].

стых мужчин и женщин с их индивидуальными возможностями и чаяниями. Развитие низовой географии подготовило почву для восприятия работ Элизе Реклю в Японии.

Как и многие другие, Исикава Сансиро обязан своей профессиональной карьерой ряду совпадений семейных обстоятельств, новых знакомств и международных событий. Начало его общественной деятельности относится ко времени Русско-японской войны 1904–1905 годов, против которой он активно выступал вместе с другими самопровозглашенными социалистами. Во второй главе рассказывается о социалистическом периоде жизни Исикавы до его отъезда из Японии из страха стать жертвой правительственных репрессий менее чем через десять лет.

С точки зрения историка, позднемэйдзийский социализм оказывается отражением углубляющегося разрыва между городом и деревней. В то время почти две трети экономически активного населения Японии были задействованы в сырьевых отраслях. Представление о крестьянах, особенно арендаторах небольших наделов, как о первых жертвах модернизации побудило некоторых активистов направить силы на улучшение доли несчастных сельских жителей. Среди этих активистов был и Исикава. Вместе с другими радикальными деятелями он использовал понятие общественной трансформации, в которой деревня оказывалась объектом потенциального освобождения. В то же время в связи с повышенным интересом к состоянию сельских территорий особое внимание уделялось случаям экологического загрязнения, например инциденту, связанному с чрезмерной эксплуатацией медного рудника в Асио. Личность Танаки Сёдзо (1841–1913), проводившего кампанию за права затронутых катастрофой в Асио деревенских жителей, занимает важное место в экологической и интеллектуальной истории эпохи Мэйдзи. В этой главе также показывается, что влияние этого человека на интеллектуальную траекторию Исикавы было не меньшим.

Когда в марте 1913 года Исикава покинул Японию, у него не было конкретного плана, где и как он будет жить. Он мог полагаться только на себя и надеяться на помощь транснационального сообщества сторонников анархизма. Начало Первой мировой

войны, пришедшееся на его пребывание в Брюсселе, на порядок ухудшило шансы Исикавы на выживание. В третьей главе рассматривается его добровольное изгнание и прослеживаются путешествия и события, знаменовавшие этот переломный период его жизни. Очевидным становится существование интеллектуальных зон конвергенции между Исикавой и различными мыслителями и активистами, которых он встретил в Европе. Помимо прочего, эти зоны касались религиозных, политических и философских взглядов тех, с кем он взаимодействовал, а их существование только подчеркивает, до какой степени разделяемое ими мировоззрение опиралось как на восточную, так и на западную традицию, и как оно зависело от размытости категорий знания.

В этой главе также рассматривается активная поддержка Исикавой победы союзных держав в 1916 году. Эта поддержка вызывает вопросы относительно его приверженности анархизму, который традиционно включает в себя принцип невмешательства в военные конфликты между государствами. Однако время, проведенное Исикавой за границей, бросает особый свет на роль личных контактов в формировании в течение первых десятилетий XX века инакомыслия и его доктринальной гибкости. Широкая сеть активистов со схожими мыслями, к которой принадлежал Исикава, оставалась крайне важной и после его возвращения домой в 1920 году, также как и общественные труды анархиста и географа Элизе Реклю, с которыми Исикава детально ознакомился в Европе.

По возвращении в Японию Исикава столкнулся с проблемой распространения *домин сэйкацу*, модели общественно-политической организации, созданной им во время ссылки. Эта стратегия ненасильственной общественной трансформации в какой-то мере отдает должное географии Реклю, однако в то же время связана с характерным для того времени культурным трендом «возвращения к земле». Идея «стояния на земле», как в буквальном, так и в переносном смысле, находилась в самом центре мыслей Исикавы. Однако в процессе ее развития он столкнулся с организованным порядком конкурирующих идеологических течений — марксизма и национализма, которые недвусмысленно

продемонстрировали, как нелегко было «стоять на земле» в Японии 1920-х годов.

В главе 4 рассматривается понятие *домин сэйкацу* в его отношении к географии Реклю и его гибкость в контексте сложного идеологического ландшафта эпохи. Понятие *домин сэйкацу* связано с индивидуальным и непосредственным взаимодействием с силами производства, необходимым для осуществления общественных изменений. Также оно предполагает привилегизацию отношений солидарности, или, пользуясь словами П. А. Кропоткина, взаимопомощи. В ретроспективе ключевое убеждение о революционных практиках повседневной жизни как о рычаге трансформации, обеспечивающем некоторое ризоматическое — то есть не-институциональное — рассредоточение их в обществе, предстает идеалистическим. Такая схема разочаровала и как конкретный практический эксперимент. Тем не менее, несмотря на свою утопичность или крайне символическую роль, она заслуживает внимания в качестве примера особенностей анархизма в межвоенной Японии.

Внедрение вышеописанной утопии в форме *Номин дзитикай* в середине 1920-х годов и повторяющиеся попытки Исикавы дистанцироваться от популярного аграризма составляют тему главы 5. *Номин дзитикай* создавались с целью коллективного воплощения практик *домин сэйкацу* и побуждения крестьян к самодостаточности. Но вскоре этой организации пришлось столкнуться с нетерпением тех, для помощи кому она была задумана, пока привлекательность крайних — популистских — воззрений на расширение прав и возможностей крестьян не одержала победу над более мягкой версией, предлагаемой Исикавой. К концу десятилетия идеологический радикализм стал проникать во все углы политического ландшафта Японии. «Географическое представление» подробно показывает, что провал схемы расширения прав и возможностей крестьян, созданной Исикавой, был вызван конфликтом как идеологий, так и личностей.

В пятой главе эта схема также рассматривается в перспективе путем сопоставления ее с тем, что представлял себе Миядзава Кэндзи. Попытка известного поэта, знатока и автора детских

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru